

ленія. Представители произвола и злоупотребленій у себя выступают вдругъ строгими судьями законности относительно чужой страны; турки обращаются къ западной Европѣ съ предложеніями и нотами, въ которыхъ обнаруживаютъ безпокойство о судьбахъ Болгаріи, а сами не могутъ справиться съ болѣе насущными внутренними заботами, которыя постоянно напоминаютъ о себѣ въ весьма чувствительныхъ и непріятныхъ формахъ. Еще недавно турецкіе сановники, хлопочущіе о порядке у болгаръ, остались вдругъ безъ жалованья, такъ какъ оттоманскій банкъ отказалъ въ дальнѣйшемъ кредитѣ турецкому казначейству, въ виду крайне запутаннаго состоянія государственныхъ финансовъ. Усилія выдвинуть Турцію на первый планъ въ дѣлѣ рѣшенія болгарскаго вопроса указываютъ лишь на то, что никакого рѣшенія не будетъ, и что вопросу дано будетъ „увязнуть въ болотѣ“ (*versumpfen lassen*), по живописному выраженію одной изъ авторитетныхъ нѣмецкихъ газетъ, приписываемому самому кн. Бисмарку. Отъ этого, конечно, ничего не потеряютъ болгары, не говоря уже о другихъ народахъ, которые, въ сущности, очень мало интересуются дѣлами „братушекъ“ и ихъ принцевъ.

„Что касается уваженія къ международнымъ договорамъ,—говорили мы еще недавно по поводу болгарскаго объединенія,—то на эту тему напрасно разсуждаютъ газеты въ данномъ случаѣ: ни одна изъ державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ, не нарушила его, а измѣнилась только фактическая основа нѣкоторой части трактата, помини воли и участія заинтересованныхъ кабинетовъ. Болгары не могли нарушить договоръ, въ которомъ вовсе не участвовали: они играли въ немъ роль матеріала, о которомъ составлены были извѣстные постановленія, но не пользовались правами дѣйствующихъ лицъ, и потому не подлежали отвѣтственности за послѣдствія мѣръ, принятыхъ великими державами“¹⁾. Такъ и въ настоящее время: хотя занятіе престола принцемъ Фердинандомъ противорѣчитъ берлинскому трактату, и неправильный поступокъ этого принца обострилъ положеніе вассальнаго княжества, но нельзя винить за это болгаръ, которые тщетно добивались назначенія какого-нибудь болѣе подходящаго князя въ теченіе дѣла года. И для великихъ европейскихъ государствъ нарушеніе международныхъ договоровъ имѣетъ серьезный смыслъ только въ томъ случаѣ, когда оно совпадаетъ съ нарушеніемъ существенныхъ политическихъ интересовъ. Мы не стали бы спорить противъ избранія княземъ сочувственнаго намъ кандидата, даже безъ соблюденія формальныхъ условій, и мы ничего не имѣли бы противъ за-

¹⁾ См. Иностранное Обзорѣніе въ октябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1885 г., стр. 840.